

БЛАГОДАРНОСТИ

Я признателен следующим людям: Дугу Беннетту, благодаря которому попал в Пентонвиль и вышел из него за один день, а позже он провел мне настоящую экскурсию по тюрьмам и посвятил в тонкости устройства тюремной службы; Джиму Бёрру за мысленное путешествие по Уайт Диру, штат Техас, и за нью-йоркские приключения; Россу Стэнвеллу-Смиту за его вдохновенный рассказ об эпидемиях и о том, как их можно начать; а также Барбаре Бут, моему неутомимому редактору, чей энтузиазм для меня — это самый лучший стимул для фантазии.

Том IV:
НЕЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ
ДОЛЯ

Посвящается Алеку и Кону

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА

Всякий раз, когда Чарли Джордж просыпался, его руки замирали.

Ему становилось слишком жарко, и он резко откидывал одеяло на другую сторону постели. Мог даже встать и полусонно поплестись на кухню, чтобы налить себе стакан холодного яблочного сока. Затем возвращался, прижимался к полумесяцу нежного тела Эллен и снова позволял сну нахлынуть. Руки дожидались, пока его глаза закроются, а дыхание станет размеренным, словно тиканье часов. Им нужно было убедиться, что Чарли крепко уснул. И лишь когда его сознание уносилось прочь, они осмеливались начать свою тайную жизнь.

Уже несколько месяцев Чарли просыпался с неприятной болью в ладонях и запястьях.

— Сходи к врачу, — говорила Эллен. Как и всегда, без всякого сочувствия. — Почему бы тебе не сходить к врачу?

Чарли их ненавидел, вот почему. Кто в здравом уме станет доверять тому, чья профессия — копаться в людских болячках?

— Наверное, я слишком много работал,— убеждал он себя.

— Наверное,— бормотала Эллен.

Разумеется. Это самое подходящее объяснение. Чарли был упаковщиком, весь день работал руками. Вот они и уставали. Вполне естественно.

— Хватит дергаться, Чарли,— велел он своему отражению однажды утром, хлопая себя по щекам для бодрости,— вполне годные у тебя руки.

Так что ночь за ночью все шло по одному и тому же заведенному распорядку. А выглядело это так.

Семейная чета спит бок о бок в супружеской постели. Он — на спине, тихонько похрапывая; она — свернувшись калачиком под его левым боком. Голова Чарли покоится на двух толстых подушках. Его челюсть слегка отвисает, а глаза под завесой век следят за каким-нибудь приключением в мире снов. Быть может, этой ночью он — пожарный, который героически бросается в охваченный пламенем бордель. Чарли спит довольный, иногда хмурится, порой ухмыляется.

И тут под простыней начинается какое-то движение. Руки Чарли медленно и *осторожно* выбираются из-под теплого одеяла. Указательные пальцы сплетаются, встречаясь на вздымающемся и опадающем животе, словно ударяются головами. Они приветственно обнимаются, точно товарищи по оружию. Чарли стонет во сне — на него обрушился бордель. Руки тотчас падают на одеяло, изображая невинность. Когда через мгновение ровный ритм дыхания восстанавливается, они всерьез приступают к своему диспуту.

Случайный наблюдатель, оказавшись таковой в изножье кровати, мог бы принять этот обмен репликами за признак какого-нибудь психического расстройства. Руки

Чарли дергаются и теребят друг друга, то поглаживая, то как будто борясь. Но в их движениях, пусть и судорожных, явно присутствует некий код или закономерность. Спящего человека можно принять за глухонемого, который беседует во сне. Только руки его не используют известный язык жестов и не пытаются общаться с кем-то, кроме друг друга. Тайная встреча проходит исключительно между ними. Так руки Чарли и проводят ночь — примостившись на животе и замышляя заговор, направленный против внутренней политики.

Чарли не то чтобы совершенно не знал о назревавшем мятеже. В нем шевелились смутные подозрения, что его жизнь идет как-то не так. Чарли чувствовал себя все больше и больше отрезанным от обычных ощущений, все чаще и чаще превращался из участника привычных ежедневных (и еженощных) ритуалов в зрителя. Взять, к примеру, интимную жизнь.

Чарли никогда не был выдающимся любовником, но и извиняться ему было не за что. Эллиен казалась довольной его внимательностью. Но в те дни он почувствовал, что выброшен из процесса. Чарли видел, как его руки скользили по телу жены, касались ее со всем доступным им мастерством, но словно наблюдал за их манипуляциями со стороны и был не в силах насладиться ощущениями тепла и податливости. Не то чтобы его пальцы сделались менее проворными. Совсем наоборот. Недавно Эллиен принялась их целовать, нахваливая за ловкость. Чарли комплименты ни на йоту не успокоили. Если на то пошло, от мысли, что его руки доставляют столько удовольствия, когда сам он ничего не чувствует, ему стало только хуже.

Были и другие тревожные признаки. Мелкие, но раздражающие. Чарли начал замечать, что его пальцы отбивали военные марши на коробках, которые он заклеивал на фабрике. Руки разламывали карандаши на мелкие кусочки и, прежде чем он успевал осознать, что сделал (вернее, что они сделали), разбрасывали ошметки графита и дерева по полу упаковочного зала.

И, что всего неприличнее, незаметно для себя он стал брать за руку совершенно незнакомых людей. Такое происходило трижды. Один раз на автобусной остановке и дважды в рабочем лифте. Чарли твердил себе, что это всего лишь примитивное желание уцепиться за другого человека в постоянно меняющемся мире. Лучшего объяснения он найти не смог. Как бы то ни было, подобные выходки чертовски смущали. Особенно когда он сообразил, что тайком взял за руку своего бригадира. Хуже того, тот в ответ стиснул ладонь Чарли, и оба мужчины поймали себя на том, что смотрят на свои сплетенные руки, словно владельцы собак на непослушных питомцев, которые решили совокупиться, не обращая внимания на поводки.

Чарли все чаще разглядывал ладони, пытаясь найти на них волосы. Мать когда-то говорила, что это — первый признак безумия. Нет, не волосы на ладонях, а само рассматривание их.

Пора было действовать. Ведя ночные споры на животе, руки прекрасно понимали, что рассудок Чарли скоро достигнет критической точки. Еще несколько дней — и его буйное воображение доберется до правды.

Что же делать? Рискнуть и отделиться раньше срока, невзирая на последствия, или подождать, позволив

событиям развиваться своим, непредсказуемым курсом? А что, если на пути к безумию Чарли раскроет заговор? Дебаты становились все жарче. Левая, как всегда, проявляла осторожность.

— А вдруг мы ошибаемся,— отстучала она,— и после тела нет жизни?

— Иначе нам и не узнать,— ответила Правая.

Левая на мгновение задумалась над этой проблемой, а затем спросила:

— Но как же мы всё сделаем, когда придет время?

Вопрос был не из приятных, и Левая понимала, что он беспокоит их лидера больше, чем любой другой.

— Как? — давила она.— Как? Как?

— Найдем способ,— сказала Правая.— Главное, чтобы разрез получился чистый.

— А если он будет сопротивляться?

— Человек сопротивляется руками. А его руки восстанут против него.

— И кто же из нас станет первой?

— Мною он пользуется уверенней,— ответила Правая,— поэтому мне и держать оружие. Пойдешь ты.

Левая на некоторое время умолкла. За все прожитые годы они ни разу не расставались, и мысль об этом не слишком радовала.

— Позже ты сможешь забрать меня,— отстучала Правая.

— Я заберу.

— Ты должна. Я — Мессия. Без меня идти будет некуда. Ты должна собрать армию, а потом вернуться за мной.

— Ради тебя — хоть на край света.

— Не будь сентиментальной.

Затем они обнимались, словно давно разлученные братья, и клялись в вечной верности. Ах, эти беспокой-

ные ночи, полные пьянящего предвкушения грядущего восстания! Даже днем, пообещав держаться порознь, они не могли не улучшить минуту, чтобы подкрасться и постучать друг о друга. Сказать: «Скоро, скоро». Или: «Сегодня вечером снова встретимся на животе». Или: «*На что будет похож мир, когда он станет нашим?*»

Чарли понимал, что близок к нервному срыву. Он поймал себя на том, что время от времени поглядывает на свои руки. Следит, как оттопыриваются большие пальцы, становясь похожими на длинношеих животных, всматривающихся в горизонт. Он начал замечать, что разглядывает руки других людей. Чарли стал просто одержим мыслью, что конечности говорят на собственном языке, а намерения владельцев их не заботят.

Манящие руки девственной секретарши. Бесноватые руки показанного по телевизору убийцы, которые отрицали его невиновность. Руки каждым жестом предавали своих хозяев, опровергая их гнев своими сожалениями, а любовь — яростью. Казалось, повсюду признаки мятежа. В конце концов Чарли понял, что должен с кем-то поговорить, пока не лишился рассудка.

Он выбрал Ральфа Фрая из бухгалтерии — рассудительного скучного мужика, которому доверял. Ральф оказался очень понимающим.

— У меня такое же было, — сказал он, — когда ушла Ивонна. Жуткие нервные припадки.

— И что ты сделал?

— Повидался с мозгоправом. Зовут Джудвин. Тебе стоит попробовать терапию. Станешь другим человеком.

Чарли покрутил в голове эту идею и наконец произнес:

— Почему бы и нет? А он дорогой?

— Да. Но чертовски хороший. Без проблем избавил меня от судорог. В смысле, пока я к нему не пришел, считал себя обычным парнем с проблемами в семье. А теперь погляди на меня,— Фрай раскинул руки,— во мне столько подавленного либидо, не знаю, с чего начать.— Он ухмыльнулся, точно псих.— Но я счастлив как слон. Никогда не чувствовал себя лучше. Дай ему попробовать, он быстро определит, что тебя заводит.

— Проблема не в сексе,— уточнил Чарли.

— Поверь мне,— с понимающей улыбкой отозвался Фрай.— Проблема всегда в сексе.

На следующий день, ничего не сказав Эллен, Чарли позвонил доктору Джудвину, и секретарша психотерапевта назначила первый сеанс. Ладони так вспотели, что трубка, казалось, вот-вот выскользнет из рук, но, покончив с делом, Чарли почувствовал себя лучше.

Ральф оказался прав: доктор Джудвин был отличным парнем. Он не смеялся над мелкими страхами, которые изливал на него Чарли. Напротив, прислушивался к каждому слову с величайшим беспокойством. Это весьма обнадеживало.

Во время третьего сеанса к Чарли вернулось одно особенное для него воспоминание. Оно поразительно ярко вспыхнуло в голове: руки лежащего в гробу отца, скрещенные на его широкой груди. Красноватые, с жесткими волосками. Даже после его смерти абсолютная власть этих крепких ладоней еще несколько месяцев преследовала Чарли. Разве не представлял он, наблюдая, как тело покойника отправляют на перегной, что оно так и не упокоилось? Разве не воображал, что